

УДК 94(47)+2–9
ББК ТЗ(2р54)+29(2)

Евгений Викторович Дроботушенко,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Антирелигиозная деятельность власти в Забайкалье в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.

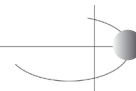
В статье даётся характеристика антирелигиозной деятельности властей в Забайкалье во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. на основе анализа документов Государственного архива Российской Федерации. Анализ проводится в контексте общей характеристики политики советского государства в отношении различных религиозных верований. Названный период времени – это череда трансформаций административного устройства региона. Автор описывает те территориальные единицы, в рамках которых рассматривается антирелигиозная деятельность властей. Упор делается на действия власти против православия и ламаизма. Связано это с незначительным числом последователей религиозных сообществ иных исповеданий в регионе, а также с незначительным объёмом материалов, их характеризующих в архивных источниках. На основе анализа конкретных мер выделяются общие тенденции для Забайкалья. Определяются направления антирелигиозной деятельности власти. На основе анализа имеющегося материала автором делается вывод, что фонды одного из центральных архивов – Государственного архива Российской Федерации содержат значительный объём дел по антирелигиозной политике властей. Политика государства в отношении различных религиозных верований в регионе строилась в контексте общей политики и носила ярко выраженный антирелигиозный характер. Автором отмечается, что местные власти в Забайкалье были настроены на закрытие соборов, монастырей, церквей, дацанов и молитвенных домов.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, православие, буддизм, ламаизм, собор, дацан, церковь

Evgeny Viktorovich Drobotushenko,
Candidate of History, Associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Anti-religious Activities of the Trans-Baikal Authorities in the Late 1920s - the First Half of the 1930s

The article describes the Transbaikal authorities' anti-religious activities in the second half of the 20s - first half of the 30s. in the 20th c. The description is based on the analysis of the Russian Federation State Archive documents. The analysis is performed in the context of the general characteristics of the Soviet policy in regard to different religious beliefs. At the given time there was a range of transformations in the administrative system of the region. The author describes the territorial units in which the authorities' anti-religious activities are considered. The emphasis is made on the government's actions against Christianity and Lamaism. This is done due to a small number of followers of other religious communities in the region, as well as with a small amount of materials, characterizing them in archival sources. Based on the analysis of specific measures some common trends for the Trans-

Baikal are distinguished. Directions of the authorities' anti-religious activities are determined. Based on analysis of available material, the author concludes that the reserves of one of the central archives - National Archives of the Russian Federation contain a significant amount of cases in the history of Orthodoxy in the Transbaikal in the XX century, including cases of anti-religious policy of the authorities. Government policy in regard to different religious faiths in the region, was constructed in the context of an overall policy and had a distinctly anti-religious character. The author notes that the local Transbaikal authorities were set to close churches, monasteries, churches, datsans and prayer houses.

Keywords: Orthodoxy, the Church, Orthodox monastery, state, religion, cult.

1920–1930-е гг. для Забайкалья – время территориальных преобразований. С 1920 г. территория современных Республики Бурятия и Забайкальского края входит в Дальневосточную Республику. Весной 1923 г. была образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, а в 1926 г. вместо упразднённой Дальневосточной области был создан Дальневосточный край, в составе которого были Читинский и Сретенский округа.

Летом 1930 г. Бурят-Монгольская АССР, а также Читинский и Сретенский округа Дальневосточного края вошли в состав образованного Восточно-Сибирского края, который в 1936 г. разделён на Восточно-Сибирскую область и вновь образованную Бурят-Монгольскую АССР. В свою очередь, при разделении Восточно-Сибирской области в 1937 г. были образованы самостоятельная Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ.

Постоянное изменение административного устройства региона в характеризуемый в статье период времени, не влияло на политику государства в отношении религий. Данная политика носила яркий антирелигиозный характер (за исключением периода существования Дальневосточной Республики). Она отличалась активной антирелигиозной позицией местных властей при решении вопросов в отношении религиозных организаций и религиозных групп. Притом, что на уровне Центральной власти, согласно архивным источникам, данная политика часто бывала взвешенной. Много документов содержит в себе различного рода замечания в адрес местного руководства, отмены решений местных властей. Однако в целом политика несла антирелигиозную составляющую.

В конце 1920-х – первой половине 30-х гг. самая активная работа в отношении религиозных организаций различных исповеданий осуществлялись Центральным Исполнительным комитетом СССР. Персонально всей работой руководил член ЦИК Петр Гермогенович Смидович. Он являлся Председателем Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР. Комиссия была создана в 1929 г. для решения вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций. В реальности существовало две комиссии: Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР (1929–1934 гг.) и комиссия с таким же названием при Президиуме ЦИК СССР (1934–1938 гг.). Решением вопросов деятельности религиозных организаций и существования религиозных групп занималась вторая комиссия [15, с. 155].

Значительный объём материала по истории антирелигиозной деятельности властей содержится в делах Государственного архива Российской Федерации. Часть документов содержит ведомости со статистическими сведениями о числе церквей, молитвенных домов, дацанов Восточно-Сибирского края. В целом они именуется «молельными зданиями». Однако следует отметить, что либо имеющиеся ведомости составлялись не слишком ответственно, либо часть данных со временем была утеряна. Данное замечание следует из того, что многие ведомости не содержат сведений по Забайкалью [12; 13]. Иные сведения говорят о религиозных объединениях и молитвенных зданиях в целом по Восточно-Сибирскому краю. Выделить среди них относящиеся к Забайкалью невозможно. Отметим и ещё один момент. В самих документах говорится о том, что в сведениях могут быть отклонения, т. к. местные органы власти целе-

направленно замалчивали истинную картину [5, л. 5, 59].

Отдельно можно выделить дела, посвященные переписке по вопросам закрытия церквей, молитвенных зданий и дацанов. Данные дела содержат материал как по православным и буддийским объектам, так и по еврейским и римско-католическим [3; 9; 10; 11; 14 и др.]. Отметим, что в отношении Забайкалья сведения отрывочны и не дают возможности составить представление об антирелигиозной деятельности региональных и местных властей в отношении религиозных организаций и групп иудейского и католического исповедания.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг., согласно архивным источникам, характеризуется как время активной переписки верующего населения с органами власти по вопросам закрытия церквей и молитвенных зданий.

Несмотря на то, что официальных документов о закрытии той или иной церкви или молитвенного здания не было, многие из них фактически не функционировали по несколько лет. Это отмечается во многих официальных письмах с мест в органы власти Бурят-Монгольской АССР, а затем Восточно-Сибирского края.

Следует отметить, что центральные власти в 1930-е гг. в некоторых случаях шли навстречу верующим, однако препятствия встречались на уровне районных властей. Как, на череду просьб от общины верующих с 1933 по 1936 гг. о необходимости прислать православного священника для одной из церквей Балецкого района. Требуемый священник был прислан, однако служба ему была запрещена Председателем Балецкого районного исполнительного комитета товарищем Кравцовым [11, л. 6].

Ещё один пример отношения центральных властей к православию в регионе – это дело «Об отклонении президиумом ВЦИК ходатайства Краевого исполнительного Комитета о закрытии церкви в с. Ундино-Посельск Балецкого района и об оставлении её в пользу верующих». Данное дело относится к 1937 г. Представляет оно собой переписку по поводу закрытия названной церкви районными властями, которые в оправдание своей позиции приводили аргументы об от-

сутствии в селе группы верующих, а так же то, что она не функционировала с 1933 г. Данная информация не соответствовала действительности и представляла собой не что иное, как попытку местных органов власти форсировать антирелигиозную работу. Ближайшая же церковь в случае закрытия находилась в 35 км [11, л. 1].

Для решения спорных вопросах на местах при Комиссии Советского Контроля при совете Народных Комиссаров Союза ССР было создано бюро жалоб, куда стекались все жалобы на действия местных и региональных властей в отношении религиозных групп. Согласно архивным источникам подобных жалоб в целом по стране было достаточно много. В одном из документов встречаем сведения о количестве поступивших жалоб на действия властей с 1924 по 1934 гг. среди наибольших по числу жалоб регионов нами не встречено Бурят-Монгольской АССР или Восточно-Сибирского края [5, л. 51–57; 11].

Процедура закрытия церкви и изъятия зданий заключалась не в простом «отбирании». В районе должны были делаться объявления о передачи здания церкви или молитвенного дома желающим группам верующих. При этом подобные объявления могли делаться не один раз. Осуществлялось ли данное правило в действительности сказать сложно, так как в источниках подобные действия упоминаются только в объяснительных районных властей на замечания из «центра».

Властями осуществлялось также обследование действующих строений культового назначения, после чего в комиссию по культурам при президиуме ВЦИК СССР представлялись доклады по результатам работы, а также планы ликвидации действующих церквей, монастырей, молельных домов. Доклады об обследовании решением комиссии проводились в жизнь через НКВД, который в течение трёхмесячного срока занимался решением вопроса [1, л. 1].

Показательным в отношении характеристики закрытия православных церквей является объёмное дело, посвящённое закрытию собора в г. Сретенск Восточно-Сибирского края. Первая попытка закрытия была осуществлена ещё в 1930 г. Однако тогда решением Комиссии по вопросам культов при

Президиуме ВЦИК СССР собор был оставлен в пользу верующих. Повторная же попытка закрытия собора относится к 1934–1936 гг. Решение о закрытии собора к апрелю 1935 г. содержалось в Постановлении восточносибирского крайисполкома. Однако реальное закрытие состоялось раньше. Осуществлено оно было районными властями. Вполне естественно, что реакцией стала жалоба группы верующих в комиссию по вопросам культов при крайисполкоме и в Москву на имя М. И. Калинина. Действия районных властей оправдывались требованием трудящихся, отсутствием договора с какой-либо религиозной группой о пользовании собором и культовым имуществом. Отметим, что в источниках содержится значительное количество списков коллективов и членов семей работников коллективов, которые голосовали за закрытие собора. При этом рядом с фамилиями и инициалами стоят подписи, поставленные от руки и явно принадлежащие разным людям. Перечень коллективов, выступивших за закрытие, достаточно широк. Это собрания: преподавателей и студентов г. Сретенск, рабочих подсобных хозяйств воинской части, рабочих овчинно-шубного завода и др. [14, л. 10–31]. Складывается мнение, что действительно значительная часть населения г. Сретенск и его окрестностей выступала за закрытие собора. Здесь следует сказать, что община верующих в Сретенске была значительной. В одной из жалоб речь идёт о 1350 чел. взрослого населения. В этом же документе отмечается, что община была зарегистрирована и исправно платила взносы [14, л. 44].

Само закрытие осуществлено снятием печати с дверей собора. При этом отсутствуют какие-либо документы о приёме имущества. Интересно решение Центральных властей. Собор постановили закрыть, однако вопрос рассмотреть на краевом уровне и привлечь к ответственности виновных в самовольном закрытии. Вместе с окончательным решением о закрытии собора принято решение о реализации культового имущества. Она осуществлялась в соответствии со ст. 40 Постановления ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [16, с. 40]. Итогом всей этой деятельности стало не просто закрытие собора, а его полное разрушение. Не была реализована и

идея использования здания под «культурно-политический очаг» [14, л. 44].

Имеются данные и об ином отношении властей к религиозным организациям. В одном из писем, подписанным председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, последовавшим как ответ на жалобу от общины верующих, местные власти предупреждались о невозможности создания препятствий для верующих в осуществлении действий культового порядка в церквях Забайкалья [11, л. 9]. Другой документ содержит протокол заседания Комиссии по культам при ВЦИК СССР, в котором рассматривается вопрос о взимании авторского гонорара с церковных общин за церковные песнопения. Подобные случаи встречались на местах. Комиссия признала данные действия неправомерными [1, л. 2].

Традиционной для региона стала передача зданий бывших церквей и молитвенных домов, конфискованных у Русской Православной Церкви, под клубы. Обычно ходатайства об этом подавались с мест в ЦИК Союза СССР и в комиссию по вопросам культа. Мотивацией являлось наличие в селах колхозов и МТС. Часто районными властями предполагалась организация при открываемых клубах киноустановок. При этом обычно средства для клуба имелись в наличии к моменту закрытия церквей и молитвенных домов и к их конфискации. В 1930 г. управление Главнауки выступило с предложением об использовании церковных зданий под музеи [1, л. 3; 11, л. 3, 21; 14, л. 9].

Часто общины верующих, взамен конфискованных и разрушенных или используемых по иному назначению зданий церквей и молитвенных домов, просили у властей предоставить им иные помещения. Это пустующие здания небольших церквей, службы в которых длительное время не велись. Наряду со зданиями высказывались просьбы и о предоставлении предметов религиозного культа [14, л. 44].

Несмотря на наличие фактов изъятия церковного имущества без какой бы то ни было фиксации, следует сказать, что на уровне центральных властей существовала процедура учёта и переоценки предметов культового характера, находившихся в церквях и

молитвенных домах. Был разработан для посылки на места инструктивный циркуляр «по учёту и переоценке предметов культурного характера из драгоценных металлов». Целью переоценки являлась сохранность ценных вещей [6, л. 7].

Налогообложение религиозных организаций в рассматриваемый период времени осуществлялось в соответствии с законодательством о налогообложении. Архивные источники содержат объёмные переписки Комиссии по вопросам культа с Народным Комиссариатом Финансов и местными органами власти по порядку сбора налогов. Основной статьёй был налог на нужды жилищного культурного строительства [4].

Учёт религиозных обществ и групп ведущих Постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» был возложен на места на регистрирующие их органы. Органами регистрации являлись городские Советы и районные исполнительные Комитеты. На уровне ЦИКов АССР, Крайисполкомов и Облсполкомов вопросами учёта занимались комиссии по вопросам культа. До начала 1930-х гг. данный вопрос находился в ведении НКВД. Однако в архивных источниках упоминается, что учёт данным ведомством велся очень плохо, что и привело к реформированию. Следует сказать, что перераспределение функций не дало ожидаемого результата. Краевые и областные комиссии не справились с учётом религиозных групп и организаций. В 1931 и 1932 гг. сведения, поступившие в Комиссию по культурам при Президиуме ВЦИК, были не полными, а в 1933 г. подобные данные в центральные органы власти практически не поступили. Итогом стало появление Постановления ВЦИК и СНК СССР от 22 августа 1933 г. об усилении работы [3, л. 1; 16, ст. 62, 63].

В функции комиссий по вопросам культа входил не только учёт религиозных организаций и религиозных общин. Пожалуй основной работой было решение вопросов о закрытии церквей, дацанов и молитвенных домов.

Что касается Забайкалья, следует отметить, что Комиссия по культурам при ЦИК Бурят-Монгольской АССР была создана 14 сентября 1931 г. Её Председателем стал Александр Николаевич Космачев. Находилась

комиссия в г. Верхнеудинске. Упоминаний о подобной комиссии в г. Чите не встречено.

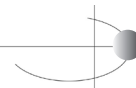
Антирелигиозная деятельность властей заключалась не только в закрытии храмов и конфискации имущества. В 1929 г. Комиссией по вопросам культов при Президиуме ВЦИК было принято решение о необходимости лишить служителей культа права пользоваться землёй наравне с другими лицами, к которым относились лишённые избирательных прав, имеющие источники существования от торговли и эксплуатирующие труд. Те священники, которые добровольно сняли сан и опубликовали об этом объявление в печати, имели возможность «на трудовое землепользование или заработок по службе» [1, л. 1].

Данных по высылке священников из забайкальских городов и сёл в 1930-е гг. в документах не встречено. Известно, что подобное активно осуществлялось в Московской области и сопровождалось раскулачиванием. При этом изъятие имущества у священнослужителей, не имеющих крестьянского хозяйства, признавалось властями не законным [1, л. 6].

Не встречено в архивах и сведений о снятии колоколов с православных храмов и использованию металла для нужд промышленности. Данное действие было применено в ответ на обращение Высшего Совета Народного Хозяйства о нехватки металла в стране. Известно, что активно данные действия реализовывались в крупных городах центральной России. Полученный металл шёл на чеканку монет, о чём говорилось в одном из писем Председателя СНК СССР А. И. Рыкова. В письме отмечалось, что данное дело не имеет политической окраски, однако излишней огласки ему предавать не следовало [2, л. 6].

Помимо антирелигиозной деятельности в отношении православия, в архивных документах содержатся дела о антирелигиозной деятельности властей в отношении распространённой в регионе северной ветви буддизма-ламаизма.

Документы содержат множеств дел, состоящих из писем Хамбо Агвана Доржиева в органы государственной власти по вопросам существования буддизма в Забайкалье. В них представлена характеристика действий представителей власти, по ним можно проследить

попытки буддийского духовенства сохранить церковную организацию.

Агван Доржиев известен как полномочный представитель Тибета в СССР. В плане своей деятельности по сохранению и развитию буддизма на территории советского государства он придерживался обновленческих позиций, в основе которых лежала попытка соединить основы буддизма и коммунизма. А. Доржиев имел определённое число последователей в среде ламаистского духовенства. На территории Забайкалья в некоторых дацанах были так называемые «ламы-обновленцы». Последователи же традиционного ламаизма получили в документах наименование «ламы-консерваторы». Достаточно показательной является переписка Хамбо Агвана Доржиева с Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР. В ней затрагиваются вопросы о нехватке ламаистского духовенства, отмечается, что службы в дацанах служить некому. Практически во всех, существовавших на 1933 г., дацанах оставалось по 2–3 ламы [10, л. 9].

Хамбо Агван Доржиев в письмах просил разрешить верующим буддистам по своей воле отдавать детей в «ламство», начиная с 7 лет. Также он просил увеличить число учеников хотя бы на один-два на дацан. При этом не отвергалась возможность посещения учениками параллельно с обучением на лам советских школ [10, л. 9].

Архивные источники не содержат сведений об ответе на письменные предложения главы ламаистского духовенства. Однако имеются иные сведения, которые хорошо иллюстрируют направление политики властей. Это письма о закрытии дацанов на территории Бурятской Республики, конфискации имущества и организации торгов по их продаже. Хамбо Агван Доржиев в письменной форме пытался противостоять закрытию дацанов. Однако его усилия, судя по отсутствию ответов на письма, были безрезультатными [10, л. 4, 5].

В первые годы после установления советской власти гонений на ламаистское духовенство в Забайкалье не было. Этого нельзя сказать о Центральной России, где был разграблен дацан Санкт-Петербурга. В период Дальневосточной Республики власти актив-

но не вмешивались в дела религиозных организаций. Постепенно ситуация меняется, и в 1926 г. ламы лишены избирательных прав и были приравнены к «нетрудовому элементу». Однако основным способом борьбы с религией в данный период времени остаётся агитационная антирелигиозная работа. Так, один из архивных документов содержит сведения об антирелигиозном диспуте «Буддизм и коммунизм», который состоялся 18–19 марта 1928 г. Агван Доржиев в одном из писем на имя П. Г. Смидовича отмечал присутствовавшее на диспуте оскорбление чувств верующих [8, л. 9].

В 1930-е гг. активную работу в отношении верующих-ламаистов проводит общество «Безбожник». Часто действия носили оскорбительный характер для верующих. Тот же Агван Доржиев в очередном письме П. Г. Смидовичу говорил о бестактных действиях в отношении буддийской части населения БМАССР со стороны «малосведущей молодёжи». Подобные характеристики он применял и к действиям общества «Безбожник». В марте 1935 г. состоялось большое собрание, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе существования буддизма в Бурятской Республике. Следует отметить, что буддийское духовенство о данном собрании не знало, и обсуждение вопросов проходило в их отсутствие. Агван Доржиев отмечал, что на Собрании присутствовали только организаторы. В принятой собранием резолюции говорилось о недопустимости существования буддийской религии среди бурят-монгольского населения [8, л. 8].

В дальнейшем постепенно начинает реализовываться политика массовых репрессивных действий в отношении буддизма. Выразилась она в закрытии дацанов, конфискации имущества и его распродаже, аресте лам. В итоге, к 1936 г. в Забайкалье не осталось ни одного действующего дацана. В то же время, в одном из писем Доржиева отмечается, что количество верующих буддистов на территории Бурятской Республики достигало на то время 97 % от всего населения [8, л. 6].

Следует отметить, что не все ламы выступали с позиций консервативного или обновленческого ламаизма, вступая в дискуссии с представителями власти или антирелигиоз-

ного общества «Безбожник». Так, на упомянутом выше диспуте выступал Хамбо-лама Цырепиллов. Его выступление стало неожиданным для верующих и присутствовавшего там ламаистского духовенства. Его слова сводились к идеи о наличии разложения в религии [8, л. 4].

Параллельно с работой по учёту религиозных групп и организаций, закрытием церквей, дацанов и молитвенных зданий в 1930-е гг. властями велась работа по составлению списков памятников архитектуры, которые подлежали централизованной охране государства. Решения комиссии по вопросам культа, к ним могли относиться здания и строения православных монастырей, соборов, церквей, буддийских дацанов, католических костелов, мечетей, синагог, молитвенных домов, часовен. Зачастую они отдавались под музеи. В архивных документах нами встречены сведения о переданных под охрану государства как архитектурные памятники церквей в г. Иркутске [7]. Сведений по Забайкалью не встречено.

Исходя из изложенного материала, можно сделать несколько выводов. Во-первых, один из центральных архивов России содержит значительный объём материалов по поднимаемой проблематике. Рамки одной статьи

не позволяют охарактеризовать их в полном объёме. При этом думается, что дальнейшая их проработка позволит более полно воссоздать историю взаимодействия государства и религий в регионе.

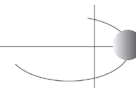
Следующий аспект – политика региональных и местных властей в отношении религиозных групп и организаций строилась в традиционном для них антирелигиозном духе.

Подходы местных, региональных и центральной власти отличались. На местах власти во многих случаях стремились быстро, часто с нарушением установленных норм закрывать церкви, молитвенные дома, конфисковывать имущество без его учёта. В некоторых случаях региональные власти, а чаще власти центральные отменяли решения местных властей и возвращали культовые здания верующим. Думается, не всегда прописанное на бумаге могло находить выражение в действительности. Однако сам факт наличия подобных документов говорит о том, что не всегда решения властей носили жёсткий антирелигиозный характер. Политика государства в отношении религиозных сообществ изменится в середине 1930-х гг., когда начнётся череда закрытия оставшихся православных монастырей, церквей и буддистских дацанов.

Список литературы

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 18.
4. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 29.
5. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 38.
7. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 44.
8. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 61.
9. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 69.
10. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 131.
11. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 441.
12. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 434.
13. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 435.
14. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450.

Литература

15. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // Молодой учёный. 2011. № 9. С. 155–160.

16. Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Левоневский Валерий Станиславович. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrf6632.htm> (дата посещения: 09.11.2011).

Статья поступила в редакцию 20.02.2012 г.